

● **Историю сдали первой «Обязательный ЕГЭ» будет введен уже этим летом, потому что один чиновник не хотел терять свое место**

17

● **Поскольку общественного ТВ нет, читайте у нас: что говорили о нем Путин, Греф, Познер... и что не показали госканалы.....**

15

● **Русские топ-менеджеры в поисках племени вазимба на Мадагаскаре.....**

16

НОВАЯ часть 2 ЛЮДИ

Новая газ. - 2006-10-23 апр. - с. 10.

На воскресном журналистском митинге в защиту свободы слова, приуроченном к пятилетию зачистки НТВ, Андрея Лошака, одного из авторов-ведущих программы «Профессия — репортер», не было. «У меня уважительная причина, — смеется в трубку. — Я в командировке был». Эта уважительная причина у него, по-моему, раз в пару дней. Человек, делающий с такой периодичностью (раньше — раз в месяц, теперь, после убийства лошаковского коллеги Ильи Зимина, раз в три недели) полноценные фильмы-исследования, на месте не сидит. «Можешь не оправдываться, — смеюсь в ответ. — Ты же не экзамен на

верность идеалам демократии мне сдаешь». «Нет, ну должна же быть корпоративная этика, — Лошак делается серьезным. — Если я работаю на канале, значит, ситуация меня в целом устраивает. По-моему, с митингами это мало совместимо».

Даже в подходе этом ощущается, что Лошак, обладатель репортерской ТЭФИ за 2003-й, «Человек года-2005» по версии журнала GQ, — лучший, может быть, из учеников Леонида Парфенова, элитное «издание» созданной в программе «Намедни» кузницы кадров. Парфенов ведь пять лет назад, когда надо было выбирать, хлопнуть ли дверью из солидарности с коллегами

или остаться, серьезно рискуя репутацией, чтобы сохранить хорошую программу, выбрал второе. Этичность выбора, вестимо, под вопросом. Результативность тоже: «Намедни» все равно закрыли.

Андрей Лошак тоже не ушел за учитель. «Профессия — репортер» на НТВ пока жива. Вопрос «надолго ли?» в моем личном зрительском сознании возникает регулярно: уж больно то, что делают Лошак & С°, выпирает из контекста. Глаз тут режет все. И живая жизнь в репортажах, диковато смотрящаяся на фоне дистиллированно-благоприятных соседей по сетке. И сам стиль острой, неглупой, техничной и динамичной журналистики, от которой наше телевидение уже практически излечилось вакциной, хранившейся в «Останкине», такое ощущение, с брежневских времен.

Насчет объективности и глубины можно спорить, но в своем слаломе по болезням точкам реальности «Профессия...» регулярно оказывается быстрее и точнее всех на ТВ — идет ли речь о скинхедах и антифашистах в России, о цунами в Азии или об иммигрантской буче во Франции.

шенную пищу, и пытаются обрести в свою веру как можно больше американцев...

— Зато в России такая коллизия совершенно невообразима.

— Абсолютно! У нас пока шопинг-моллы — это новые церкви, в которых поклоняются языческим богам капиталистического изобилия. А там, на Западе, уже давно другое сознание. Там люди понимают, хотя бы, что потреблять надо сознательно.

— А ты полагаешь, в России в целом можно сегодня уже говорить о какой-то сформировавшейся потребительской цивилизации с набором соответствующих проблем?

— В России — конечно, нет! В России проблема скорее обратная. Я же по стране мотаюсь много. Приезжаешь ты, например, в Тамань. Там все море — в шаландочках, в лодочках. Спрашиваю — что такое? Говорят, бычок идет и хамса. Отлично. Захожу в их единственный ресторан. И там нет ничего, кроме замороженной трески. Причем не российской. Как так может быть? Почему? Да только потому, что в людях уничтожены предпринимчивость, культура потребления, люди привыкли питаться на своих кухнях, и вся провинция живет до сих пор так. Сам себе выращиваешь еду, сам готовишь, сам ешь. Первобытный строй. А русская потребительская цивилизация с ее индикатором в виде количества суши-баров существует и впрямь только в Москве, Питере, ну каком-нибудь Е-бурге. Мировой глобальной потребительской цивилизации Россия, в общем, и не интересна пока. Просто потому, что у нее нет денег... Но я в этом своем фильме вообще говорю о другом. О том, что в принципе в нашей стране сейчас утвердилось базовое убеждение, что потреблять — это круто. Это убеждение очень активно навязывается молодежной аудитории, телевидением в том числе: тачки, телки, тряпки — три «Т», а остальное все фигня. Мне это неприятно. Я за то, чтобы жить более осознанно. И мне поэтому важно показать этих нью-йоркских людей, которые выступают за самоограничение. Хотя я понимаю, что по ТВ они будут выглядеть как кучка придурков, которые бешутся за жиру, что только так это будет воспринято в нашей стране. Ну что ж делать — я, по крайней мере, пытаюсь!

«Я не смогу снимать истории про то, что едят на обед звезды»

— У тебя с твоим графиком жизни редкая даже для продвинутого русского человека возможность много видеть и много сравнивать... Как это влияет на восприятие своей страны? Грубо говоря — русофобом не становишься? Или, чем черт не шутит, наоборот?

(Окончание материала Александра ГАРРОСА — на стр. 15)

Андрей ЛОШАК:

«Рейтинг — страшнее цензуры»

«Куда ни приедешь — везде кошмары»

— Андрей, а как происходит отбор тем? Приоритеты определяешь ты или, скажем, руководство канала?

— Процентом 80 того, что я в итоге делаю, — темы, которые я же и предлагаю. Если их не предлагает сама жизнь. Как в случае с той же Францией. Или вот как осенью — мы полетели снимать фильм про кровную месть, прилетели в Осетию утром... и тут в Нальчике случился штурм силовых ведомств. За двести километров от нас — стрельба, убивают людей. И в результате мы снимали именно про то, как там... убивают людей.

— Ты, помнится, и из Таиланда делал репортаж одним из первых после цунами. Я так понял, что ты оказался там еще до событий... Это правда?

— Ну да. Это еще одна такая, в кавычках, «большая журналистская удача». Мы прилетели туда снимать про секс-туризм. И попали на одну из самых жутких катастроф нового времени. От эроса к танатосу. Чего только не видели — а такие вещи все равно сильно перепахивают... Впечатление было совершенно мистическое. Вспоминать это довольно страшно до сих пор. Страшно было с самого начала — когда таксисты за любые деньги отказывались везти от аэропорта к морю, мы до пятисот долларов дошли... Эта командировка меня основательно изменила.

— А тебя ничего тут не застораживает? Ты вот рассказываешь — приехали в Осетию, случайно началась стрельба, приехали в Таиланд — случайно началась катастрофа... Нету ощущения, что ты сам притягиваешь катаклизмы?

— Тыфу-тыфу, только два раза это было... за последний год... Не, знаешь, я бы не хотел быть такой... «воронкой». Как

в «Ночном дозоре». Да нет... просто... кошмаров-то так много... куда ни приедешь — везде кошмары. Просто профессия такая. Кошмары — наша профессия. Кого интересуют хорошие новости?

— И как у тебя с мизантропией при такой профессии и таком везении? Не развивается?

— Абсолютно нет. Наоборот. После Таиланда, знаешь, очень много человеческого во мне снова проснулось... И вообще случаются в профессиональном поле такие истории, которые меня меняют. Я вот стал вегетарианцем — после сюжета про убийство...

— Нестандартная взаимосвязь.

— Нет, ну я никогда не хотел есть животных. Но ел. Нравилось есть — вкусно же... Как всем. И вот однажды убили знакомого моих знакомых... точнее — вот как все завязано! — знакомого как раз того парня, Володи, которого мы снимали в Таиланде. Там погибла его девушка, ее унесла волна. Мы с ним продолжали общаться. Он питерский человек. И одного из его знакомых убили фашисты. Убили не по национальным или расовым признакам, а за убеждения — он был антифашистом. Причем мирным, вовсе не каким-то боевым антифа: студент философского факультета... двадцатилетний мальчик. Я делал про это фильм, я снимал его родителей, ужасно трудно было работать — все боялись и не хотели ничего говорить... Но мы снимали, и я проникал в его систему взглядов, и постепенно передо мной рисовался портрет этого парня. Удивительного человека, настолько цельного и осмысленного в свои двадцать лет, жившего в этом возрасте настолько осознанно! Он вызывал у меня уважение, близкое к восхищению. А он, среди прочего, был «веганом». И это меня подтолкнуло. И я — нет, я не стал идейным «веганом», но стал просто вегетарианцем. Теперь слышу от циничных коллег одни насмешки про то, что помидоры

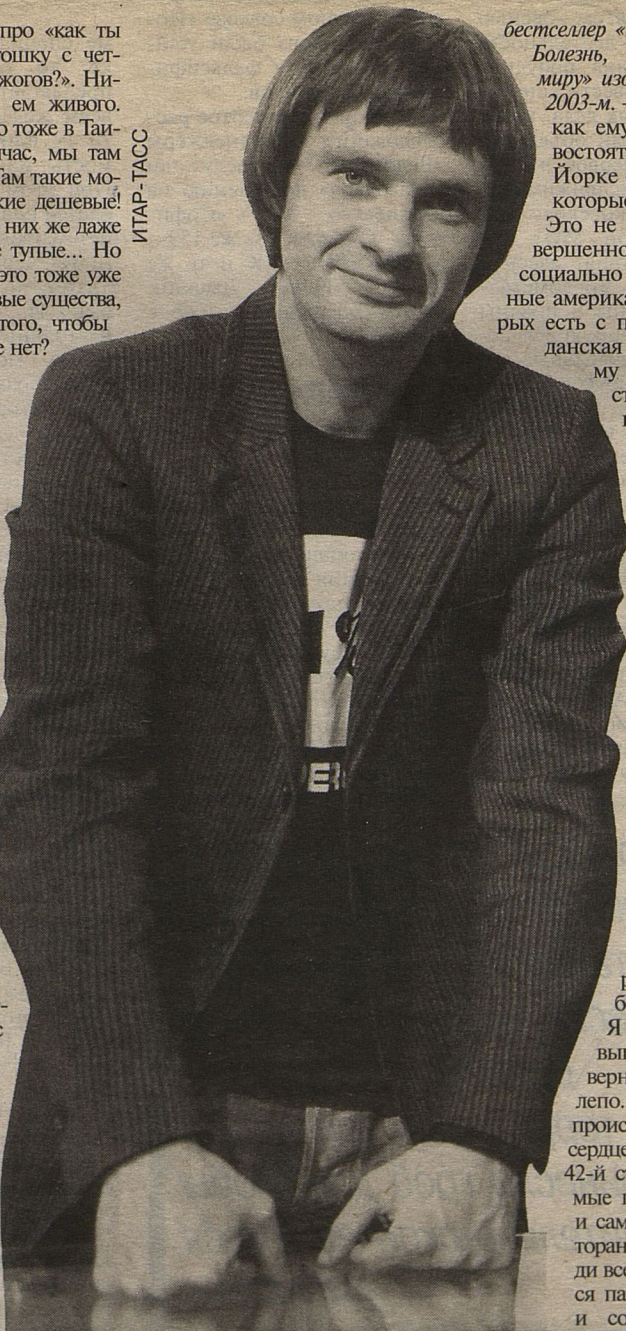
Звезда программы «Профессия — репортер» — о «взаимном оглушении» ТВ и зрителя, «всемирном Петросяне», идеологии и попсе

тоже страдают, и про «как ты можешь есть картошку с четвертой степенью ожогов?». Ничего, держусь. Не ем живого. Самое тяжелое было тоже в Таиланде, но уже сейчас, мы там просто отдыхали. Там такие морепродукты! И такие дешевые! Думаю: блин, ну у них же даже глаз нету... они же тупые... Но нет. Я понял, что это тоже уже фашизм: одни живые существа, значит, достойны того, чтобы их не есть, а другие нет? Удержался.

«У нас шопинг-моллы — это новые церкви»

— И каких изменений от тебя еще ждать? В смысле — как-то, например, последняя остроактуальная тема, лично затрагивающая Андрея Лошака?

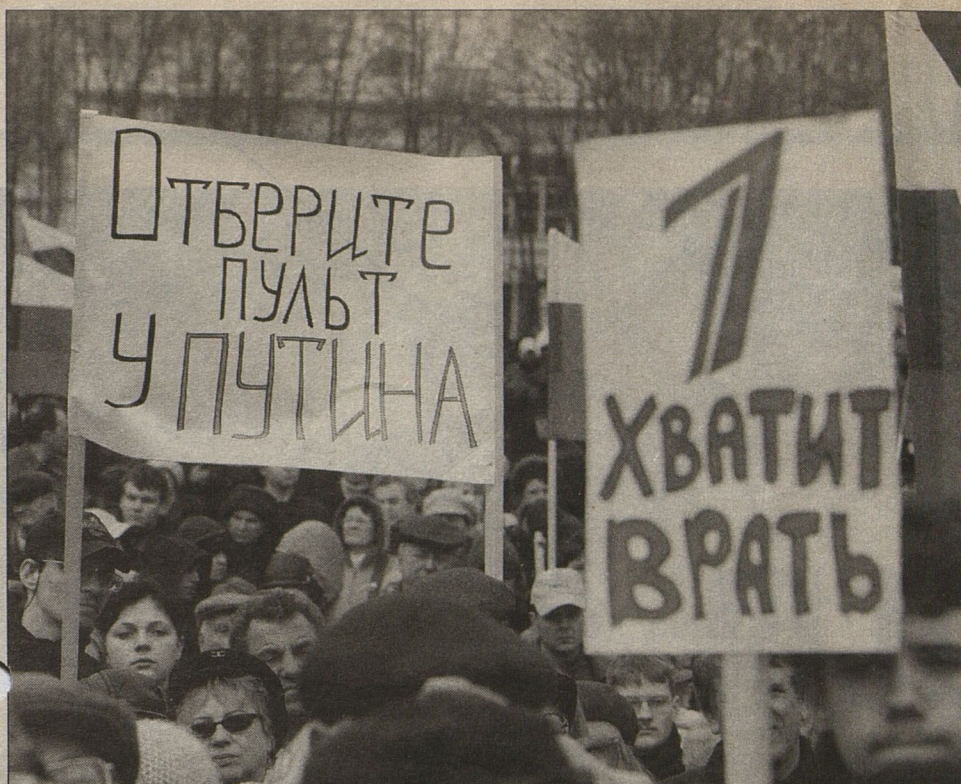
— Сейчас вот снимал фильм про, скажем так, взаимоотношения людей с обществом потребления. Про религию консьюмеризма, с одной стороны, про протест, общество потребления вызываемый, — с другой. Про «потреблять» (западный

ИТАР-ТАСС

бестселлер «Потреблять». Болезнь, угрожающая миру» издан на русском в 2003-м. — А.Г.) и про то, как ему можно противостоять. Мы в Нью-Йорке снимали людей, которые едят с помоек. Это не нищие, это совершенно нормальные социально адаптированные американцы, для которых есть с помоек — гражданская позиция. Потому что Америка — страна перепроизводства и сверхпотребления. И они считают, что, переедая, они объедают весь остальной мир. У них ведь выбрасывается куча совершенно свежей прекрасной еды. Я ел вместе с ними. С помоек. Я ел сэндвич с мочалкой, вкуснейший, завернутый в упаковку, горячий еще, только из магазина!.. У этих людей, антипотребителей, — большая совесть. Я понимаю, что выглядит это, наверное, смешно. Нелепо. Особенно когда происходит в самом сердце Манхэттена, на 42-й стрит, где все самые понтовые театры и самые жирные рестораны... И вот посреди всего этого шляется парни с мешками, и собирают выбро-

23.04.06
2006
Лошак Андрей

Пять лет разгону НТВ. Митинг в Москве, посвященный защите свободы слова

(Окончание.
Начало на стр. 10)

— Нет... Нет, ну нельзя становиться русофобом. Нельзя просто. Это очень неправильно — не любить свою страну. Я абсолютно русский человек. Я часть этой культуры. Я часть этого тела. Если телом можно назвать язык — то я не ощущаю себя протезом, какой-то внешней искусственной деталью, я ощущаю себя внутри. Это, наверное, от Парфенова мне еще привилось. Какой-то не шовинистический, а сознательный патриотизм. Когда бывает... очень больно. Когда очень многие вещи в этой — моей — стране раздражают, бесят, и именно поэтому хочется о них говорить. Не хочется проходить мимо. Другое дело, что я ощущаю себя бессильным в каких-то политических баталиях, и ввязываться в них не вижу ни малейшего смысла. Хотя там-то, конечно, происходит полнейший беспредел.

— А на своем уровне ты цензуры не ощущаешь? У вас ведь в программе все-таки регулярно случаются сюжеты, которые ну настолько расходятся с отлаженной в целом телевизионной реальностью... Тебе острые темы не заворачивают?

— Мои темы иногда заворачивают не по соображениям цензуры, а потому, что это «не продается». Рейтинги, понимаешь ли. Мы все — рабы рейтинга. Это во многом гораздо страшнее цензуры. То, что мы делаем, должно хорошо продаваться, а многие темы, которые мне кажутся очень актуальными и важными, я не смогу продать в это время на этом канале. Если у тебя рейтинг ниже семи процентов — на тебя уже утром на летучке смотрят с прищуром... Я не могу себе позволить сделать умный фильм — но скучноватый. В семь тридцать вечера зрители уйдут на Петросяна, как пить дать! Но можно попробовать передавать мысль с помощью зрелищных вещей. Это не всегда удается — но пытаться надо. Не надо людей совсем-то за быдло держать, что сейчас на телевидении практикуют. Со зрителем можно договориться.

— Просто, кажется, у нас сейчас идиотизм аудитории преувеличивается — раз и стимулируется — два...

— Ну да. Происходит ситуация взаимного оглушения. Телевидение вроде как идет на поводу самых низменных запросов аудитории, подсовывая ей жвачку... и тем окончательно ее оглушает.

Приучает к жвачке и только жвачке. Вот чем были прекрасны «Намедни»? Тем, что они были разные. И их во всей пестроте объединяла харизматическая фигура Леонида Парфенова, который пытался подтянуть аудиторию до своего уровня. Сейчас с аудиторией говорят в лучшем случае наравне, а то и заискивая. «Всемирный Петросян», с одной стороны, — и кровища, которая хлещет в криминаль-

знает, что я там снимаю, потому что не включает ТВ! Но я думаю, что дело даже не в политической конъюнктуре. Просто пришли попсовые времена, когда слишком многое решает рыночная стоимость. А рынок определяется людьми с низкой потребительской культурой. Если раньше мне американское телевидение казалось очень тупым, то сейчас я, продолжая его смотреть, понял, насколько

Андрей ЛОШАК:

«Рейтинг — страшнее цензуры»

ных программах, с другой. Не боюсь этого говорить, хотя это и на нашем канале происходит. Это игра в поддавки, так — давая на самое примитивное, на смех и страх, — играть проще, но это тупиковый путь.

— А цензура в традиционном понимании — ее разве нету? Ну пускай не такая прямая, как в советское время... но ощущение от новостей — на любом канале! — разве ничего не напоминает? По-моему, от существования мелкого идеологического сита на ТВ уже деваться некуда...

— Все-таки меня это напрямую никак не касается. Никто не лезет в те социальные темы, которые я делаю. Никто не запрещает мне показывать все то убожество, в котором живет большинство нашего народа.

— А ты не боишься, что и до этого дойдет — руки дойдут? «Намедни» сначала тоже никто не запрещал. А потом они просто исчезли.

— Тогда многие люди просто уйдут с телевидения. И я уйду. Я не смогу снимать истории про то, что едят на обед звезды. И многие люди — зрители — уйдут от телевидения... Да многие уже ушли. Просто перестали смотреть.

— Причем это ведь, наверное, как раз вполне адекватные люди? Не потребители «всемирного Петросяна»?

— Ну да, это люди сознательные. Да среди моих знакомых масса народу уже не

ко оно выше нашего. Раньше наше ТВ напоминало толстые журналы, которые можно было назвать какими угодно — скучными, архаичными... но не глупыми. А сейчас оно напоминает таблоид. А американское или британское ТВ ближе к цветному иллюстрированному еженедельнику, «потребительскому» — но совсем не глупому. Нам до него рости и расти. И если бы, главное, мы шли в эту сторону — то от нашего формата толстого журнала запросы могли бы перейти к чему-то более зрелищному, но не тупому. Осмысленному. Это то, чем занимался Парфенов, — такой infotainment, «развлечение плюс информация». А сейчас все свалилось в голое развлечение.

— Ты считаешь, это временно?

— Конечно. За десять лет телевидение сто пятьдесят раз поменялось. Наскучит и это, в конце концов! Потребительская культура так или иначе растет. Скоро перестанут смеяться шуткам Петросяна. Его дни сочтены. Я не пессимист! Я думаю, что бы ни происходило с властью, телевидение все же — к счастью — не в прямой от нее зависимости. И когда этот момент спроса на тупое и некачественное пройдет — а он непременно пройдет, — изменится и телевидение.

● Александр ГАРРОС